

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 (3)

2013

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2013

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2013

© Редколлеги журнала «Поволжская археология», 2013

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E. P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Candidate of Historical Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A. E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

<http://archaeologic.pro>

© Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 2013

© Mari State University, 2013

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Editorial Board of Journal, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Никитин В.В. Памяти Друга7
Калинина И.В. Слово о Рустеме Султановиче Габяшеве15

Статьи

Лычагина Е.Л. Роль Р.С. Габяшева в изучении
неолита Волго-Камья17
Никитин В.В. Неолитизация лесного Волго-Камья22
Вискалин А.В. О преемственности каменного инвентаря
позднемезолитического и раннеолитического
населения Нижнего Прикамья32
Березина Н.С. О гребенчатых комплексах неолита
Чувашского Поволжья41
Ставицкий В.В. Дискуссионные вопросы изучения памятников
ямочно-гребенчатой керамики Среднего Поволжья52
Васильева И.Н., Выборнов А.А. О неолитической гончарной
технологии Нижнего Прикамья и времени распространения
древнейших керамических традиций60
Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры87
Сидоров В.В. Специфика каменной техники волосовской культуры96
Штилов А.В. Хронологические комплексы
XX Кузькинской стоянки в Нижнем Прикамье113
Косменко М.Г. Принадлежность и функции
каменных сооружений в Карельском Поморье126
Черных Е.М. Позднеананьинское святилище
на Зуевключевском I городище (Нижнее Прикамье)153
Фонякова (Чувило) Н.А. К семантике Шиловских пластин166
Данич А.В. Поясные накладки Питерского
(Степаново Плотбище) могильника181
Смагулов Е.А. Исследования древнего Туркестана:
итоги раскопок 2011–2012 гг.197
Бугарчёв А.И., Петров П.Н. Этапы медного
монетного обращения в Булгарском вилайате
(вторая половина XIII – первая треть XIV вв.)216

Хроника

<i>Хузин Ф.Ш., Владимиров Г., Ситдииков А.Г.</i> IV Международный Болгарский форум «Истоки, историческое развитие и культурное наследие Болгарской цивилизации» (Варна, Болгария, 22–25 октября 2012 г.)	232
<i>Абдуллин Х.М., Ситдииков А.Г., Хузин Ф.Ш.</i> К юбилею Г.И. Дроздовой	237
<i>Садугина Н.П.</i> К юбилею И.Н. Васильевой	240
Список сокращений	244
Правила для авторов	246

CONTENTS

Nikitin V.V. To the memory of friend7
Kalinina I.V. A word about Rustem Sultanovich Gabyashev15

Articles

Lychagina E.L. The role of the R. Gabyzshev
to study Neolithic Volga-Kama region17
Nikitin V.V. Neolithization of forest Volga-Kama region22
Viskalin A.V. Stonetools continuity of late Mesolithic
and early Neolithic population of the Lover Kama region32
Berezina N.S. On the Neolithic comb-ornamented ware assemblages
of Chuvash Volga area41
Stavitsky V.V. Discussion of the study of the monuments
Middle Volgas comb-ceramics52
Vasilyeva I.N., Vybornov A.A. About Neolithic pottery technology
in the Lower Kama Region and the time
of ancient ceramic traditions expansion60
Korolev A.I. Some aspects of Samara culture investigation87
Sidorov V.V. Specificity of stone technology Volosovo culture96
Shipilov A.V. Chronological complexes of XXth Kuzkinsky stand
in the Bottom Prikamye113
Kosmenko M.G. Belonging and functions of stone constructions
in Karelian maritime area126
Chernych E.M. Sanctuary on the Zuevoklychevskoe I settlement
of the late Ananyino the Lover Kama Region153
Fonyakova (Chuvilo) N.A. To the semantics of plates
from the village of Shilovka166
Danich A.V. Flange sheets of Peter burial ground
(Stepanov's rafting ground)181
Smagulov E.A. Archaeological studies of the ancient Turkestan:
results of 2011–2012197
Bugarchev A.I., Petrov P.N. Stages of copper coin circulation in Bulgar willayat
(the second half of the XIII – the first third of the XIVth cc.)216

Chronicle

<i>Khuzin F.Sh., Vladimirov G., Sitdikov A.G.</i> IV International Bulgar forum «Origins, historical development and cultural heritage of Bulgarian Civilization» (Varna, Bulgaria, 22–25 October 2012)	232
<i>Abdullin Kh.M., Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh.</i> On the anniversary of G.I. Drozdova	237
<i>Salugina N.P.</i> On the anniversary of I.N. Vasilyeva	240
List of abbreviations	244
Rules for authors	246

О НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ГОНЧАРНОЙ ТЕХНОЛОГИИ НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ И ВРЕМЕНИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ КЕРАМИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ¹

© 2013 г. И.Н. Васильева, А.А. Выборнов

В статье представлены результаты типологического, технико-технологического и радиоуглеродного анализов неолитической керамики культур Нижнего Прикамья. Исследование было проведено с целью уточнить ряд вопросов о соотношении и характере взаимодействий носителей различных культурных традиций. Определены характерные отличительные признаки посуды камской и волго-камской культур, прослежены их специфические особенности на разных этапах развития. Была скорректирована абсолютная хронология всех периодов каждой культуры, доказана их синхронность на определенных фазах. Получены достоверные данные о взаимодействии носителей камской и волго-камской культур на территории Прикамья.

Ключевые слова: археология, Прикамье, неолит, керамика, радиоуглеродный анализ, технико-технологический анализ, камская культура, волго-камская культура, культурная традиция, хронология.

Среди многочисленных аспектов изучения неолита и эпохи раннего металла Волго-Камья, которым Р.С. Габышев посвятил свои исследования, вопрос о соотношении комплексов с накольчатой и гребенчатой керамикой Нижнего Прикамья занимает особое место. Поэтому в предлагаемой статье представлены результаты комплексного изучения неолитической керамики Нижнего Прикамья, предпринятого нами с целью определения механизмов и времени появления древнейших гончарных традиций, а также ареалов их распространения в Поволжье.

Нижнее Прикамье, как часть этого большого региона, не было изолировано от общих процессов неолитизации Поволжья, хотя имело свою специфику. Его географическое расположение своеобразно: южнее простирается северная периферия лесостепных про-

странств, где в неолите располагались памятники средневолжской культуры; севернее подступает южная граница хвойных лесов, в которых преобладают стоянки камской культуры; на востоке он ограничен устьем р. Белая и соприкасается со Средним Прикамьем; западная граница фиксируется впадением р. Камы в р. Волгу. Такое удобное географическое расположение давало возможность неолитическому населению Нижнего Прикамья осуществлять культурные контакты во всех направлениях. В ходе исследования неолитических памятников этого региона археологические следы взаимодействия и культурных контактов были неоднократно зафиксированы. Однако точки зрения исследователей на время и характер этих взаимодействий различны.

А.Х. Халиков рассматривал памятники, на которых представлена кера-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 10-01-00393а и проект «Волжские земли в истории и культуре России» № 13-11-63005 /а.

мика с накольчатой орнаментацией, и стоянки, где доминирует посуда, украшенная гребенчатым штампом, в рамках одной волго-камской культуры. Первые он считал более ранними, а вторые, по его мнению, складывались на их основе (Халиков, 1969; 1973).

О.Н. Бадер (Бадер, 1970; 1973), а вслед за ним и другие специалисты (Третьяков, 1972; Габяшев, 1976; Выборнов, 1976; Калинина, 1979) относили гребенчатые и накольчатые керамические комплексы к разным культурам, доказывали одновременность стоянок, на которых была представлена керамика с разной системой орнаментации: на позднем (Калинина, 1984), развитом (Габяшев, 1978; 2003) и даже на раннем (Выборнов, 1986) этапах развития местного неолита.

Следует признать, что обе гипотезы, помимо сильных сторон, имели и определенные недостатки. Например, синхронность накольчатых и гребенчатых комплексов в ранний период неолита предполагалась на основе обнаружения керамики обоих типов на таких стоянках, как II Щербетская и Кабы-Копрынская (Третьяков, 1990; Выборнов, 1986). Но в данном случае это могло быть и результатом механического смешения разновременных материалов. Не могли стать строгим доказательством и находки разнотипной посуды в жилище II Лебединской стоянки. Отсутствие радиоуглеродных дат для неолитических памятников Прикамья усложняло ситуацию (Выборнов, Мамонов, 2007). Не сложилось общей позиции и по определению характера взаимоотношений групп населения с разными керамическими традициями. Одни исследователи трактовали их как эпизодические контакты в пограничных зонах,

другие видели причину образования гибридной керамики не в территориальном соприкосновении, а в их социальном взаимодействии (Калинина, 1993). Однако проработать этот вопрос лишь на типологическом уровне было не всегда возможно. Очевидно, что вопрос об их соотношении может решаться не столько на уровне типологии, сколько с помощью технологического анализа и прямого радиоуглеродного датирования фрагментов разного облика. Аналогичная ситуация сложилась и с периодизацией памятников камской культуры Нижнего Прикамья. Одни исследователи относили стоянки русско-азибейского типа к левшинскому этапу (Габяшев, 1978), а другие – к более позднему времени (Выборнов, 1984; Калинина, 1993). Опираясь на археологические критерии, исследователи предполагали, что поздний этап мог датироваться второй половиной IV тыс. до н.э., развитый этап – первой половиной – серединой этого тысячелетия, а ранний этап мог начинаться в V тыс. до н.э. (Васильев, Выборнов, 1993).

За последние годы была проведена активная работа по радиоуглеродному датированию неолитических памятников Нижнего Прикамья. Учитывая отсутствие органических веществ в культурных слоях стоянок этого региона, была использована методика анализа по органике в самой керамике (Ковалюх, Скрипкин, 2007). Понимая все недостатки новой методики, исследователи ставили перед собой задачу получить хотя бы предварительные данные о времени существования стоянок с накольчатой и с гребенчатой посудой, т.к. существовала насущная необходимость определить ориентировочные хронологические рам-

ки этих культур и конкретизировать временные отрезки сосуществования данных культурных комплексов. В ходе проведения этих работ были получены определенные результаты (Выборнов, Габяшев, Галимова, Денисов, Ковалюх, Лычагина, Мельничук, Скрипкин, 2008). Учитывая подобную работу, проведенную по неолитическим материалам с культурно близкими комплексами Камско-Вятского междуречья и приведшую к результатам, аналогичным Прикамью в целом (Выборнов, Гусенцова, Ковалюх, Николаев, Скрипкин, 2008), можно считать выборку полученных радиоуглеродных дат по керамике вполне презентативной.

В данной статье представлены результаты изучения неолитической керамики Нижнего Прикамья, проведенного с применением новых методик и комплексного исследовательского подхода, ранее не привлекавшегося к решению указанных проблем.

Во-первых, из-за невозможности продатировать каждый сосуд из коллекций неолитических памятников, осуществлена более детальная группировка керамики: разделение ее на культурно-хронологические группы на основе различий в технике ornamentации и особенностях формы сосудов, отдельные сосуды из которых затем были подвергнуты радиоуглеродному датированию. Дело в том, что даже на таких опорных памятниках, как II Щербетская стоянка, которую исследователи относят к памятникам с накольчатой керамикой, имеется несколько разновидностей посуды. В коллекции данного памятника представлены следующие группы керамики: тонкостенные сосуды профилированной формы без орна-

мента; тонкостенные прямостенные и плоскодонные сосуды лишь с рядом ямок под венчиком; тонкостенная посуда с мелкими треугольными наколами, нанесенными в технике отступаения; фрагменты керамики со стенками средней толщины, орнаментированные крупными насечками; стенки сосудов средней толщины с наколами подквадратной формы в разреженной манере; толстостенные фрагменты, украшенные коротким зубчатым или длинным гребенчатым штампом (Выборнов, 2008).

Во-вторых, применение методики радиоуглеродного датирования керамики позволило установить более точные хронологические границы бытования разных керамических комплексов и групп. При этом учитывались результаты многолетних изысканий наших предшественников по типологии, направленные на выделение определенных этапов развития культур Прикамья. Нами было предпринято получение серии новых радиоуглеродных дат, сделанных в основном по образцам керамики конкретных культурно-хронологических групп, а также и по другим материалам в разных радиоуглеродных лабораториях. В большинстве случаев даты керамики подтвердили разработанную к настоящему времени общую периодизацию камской культуры. Во-первых, подтвердилось выделение ее раннего этапа (Выборнов, 1984; 1992). По четырем стоянкам раннего этапа бытования гребенчатой керамики в Прикамье было получено шесть дат в рамках от 6300 до 6000 лет ВР. Предположение о существовании наиболее архаичных памятников с гребенчатой керамикой уже в последней четверти V тыс. до н.э. (Выборнов и др., 2008)

стало достаточно обоснованным. С целью верификации полученных данных в лаборатории университета г. Уппсала на АМС была получена дата по нагару с сосуда из стоянки Зиярат – 6323 ВР. Она подтвердила даты, полученные по органике в керамике данного памятника сцинцилляционным методом в лаборатории г. Киева. Во-вторых, по 12 стоянкам развитого (хуторского) этапа получено 17 дат в интервале от 5900 до 5600 лет назад. В-третьих, по накольчатой керамике ряда памятников Нижнего Прикамья получена серия дат в рамках 6700–6100 лет назад. Она позволяет более достоверно предполагать определенную хронологическую синхронность ранних стоянок с гребенчатой и накольчатой керамикой в интересующем регионе, по крайней мере, в интервале 6300–6000 лет ВР.

Однако и это установленное хронологическое соотношение не может служить достоверным доказательством взаимодействия групп населения, оставивших разные керамические комплексы. Существуют определенные типологические различия неолитической керамики с гребенчатой орнаментацией на развитом этапе камской культуры в разных районах Прикамья. Так, на Хуторской стоянке Верхнего Прикамья преобладают сосуды закрытой формы, а на II Лебединской стоянке в Нижнем Прикамье доминируют прямостенные сосуды. На первой значителен процент наплывов на внутренней стороне венчиков, а на второй они не превышают и трети от всех сосудов. В то же время на нижнекамской посуде представлен ряд ямочных вдавлений под срезом венчика. Кроме того, в данном регионе значителен процент относительно

тонкостенных фрагментов, а также высока доля сосудов, на которых орнаментальное поле имеет разреженность. На лебединской посуде вдвое меньше процент шагающей гребенки, чем на керамике Хуторской стоянки. Вот далеко не полный перечень различий между керамическими «гребенчатыми» комплексами, распространенными на территории двух соседних регионов – Верхнего и Нижнего Прикамья. В то же время следует отметить, что перечисленные особенности гребенчатой посуды Нижнего Прикамья сближают ее с посудой средневожской лесостепной культуры. Однако для получения более конкретных результатов большую эффективность может дать технико-технологический анализ керамики всех групп неолитической посуды.

В-третьих, произведено микроскопическое исследование и сравнительный анализ керамики по методике А.А.Бобринского с целью определения культурных традиций в гончарстве разных неолитических коллективов Нижнего Прикамья, их общих черт и различий.

Ниже представлены результаты проведенного исследования.

М О Р Ф О Л О Г И Ч Е С К А Я ГРУППИРОВКА КЕРАМИКИ:

1. Керамический комплекс с гребенчатым орнаментом.

Разделение керамики гребенчатого комплекса (камской культуры) на хронологические группы производилось на основе морфологических особенностей.

К ранней группе отнесены небольшие (диаметром до 20 см и высотой не более 30 см), прямостенные или чуть прикрытые круглодонные сосуды, в основном тонкостенные (0,7–

0,9 см), полностью орнаментированные мелким гребенчатым штампом. Количество композиций невелико, схемы узоров просты, при этом отсутствует шагающая гребенка (Выборнов, Крижевская, 1988) (рис. 3: 1–5).

Группа керамики развитого (хуторского) этапа включает более крупные и толстостенные (0,9–1,2 см) круглодонные сосуды закрытой формы с наплывом на внутренней стороне венчика, орнаментированные среднезубчатым штампом. Орнаментальные композиции более многочисленные и разнообразные. Большое место среди них занимает «шагающая гребенка» (Выборнов, 1988) (рис. 2: 8–11).

К группе керамики позднего (левшинского) этапа относятся профилированные и прямостенные округлодонные сосуды с редкими напльвами на венчиках, орнаментированные средним и крупным гребенчатым штампом, на сосудах появляются незаполненные пространства. Количество узоров сокращается (Выборнов, 1993) (рис. 3: 7–12). Учитывая, что даты развитого этапа относятся к первой половине IV тыс. до н.э., а наиболее ранние энеолитические комплексы красномостовского и новоильинского типов датируются 5200 лет ВР, то наиболее вероятным интервалом бытования позднеолитических памятников можно предполагать третью четверть IV тыс. до н.э. Это подтверждается и серией радиоуглеродных дат по органике в керамике целого ряда памятников Нижнего Прикамья, содержащих посуду воротничкового типа (Выборнов, 2008).

2. Керамический комплекс без орнамента, с накольчатым орнаментом и гладким штампом (насечками) (волгокамская культура).

К данному комплексу отнесены плоскодонные, прямостенные или закрытые баночные сосуды некрупных размеров, тонкостенные (0,4–0,8 см), с хорошо заглаженной и подлощенной поверхностью. Под овальными или плоскими срезами венчиков у двух третей сосудов имеется горизонтальный ряд ямочных вдавлений с наружной или внутренней стороны (рис. 1: 1, 3, 4; 2: 1–2). Часть сосудов совсем лишена орнамента (рис. 1: 2). Более 80% сосудов украшено наколами треугольной (преимущественно), овальной и подквадратной формы в отступающей технике (рис. 1: 4–5; 2: 1–6). Композиции представлены наклонными, горизонтальными или волнистыми рядами, порой поставленными под углом друг к другу. Фрагменты с «ногтевидными» насечками, занимающие подчиненное место, по внешнему облику не отличаются от вышеописанной посуды (рис. 1: 6–7; 2: 12).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ:

Исследование неолитической гончарной технологии Нижнего Прикамья осуществлялось по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978; 1999).

Микроскопическому изучению было подвергнуто 195 образцов (фрагментов верхних и донных частей, а также стенок сосудов) из коллекций 6 неолитических стоянок Нижнего Прикамья: I Лебединской, II Лебединской, IV Тетюшской, II Щербетской, VI-а Балахчинской, Черки-Кильдуразы. Из них к группе керамики с гребенчатым орнаментом относится 78 образцов, к не орнаментированной – 38 образцов, к накольчатой – 45 образцов, к группе керамики с насечками – 34 образца. Кроме того, было учтено 6 образцов

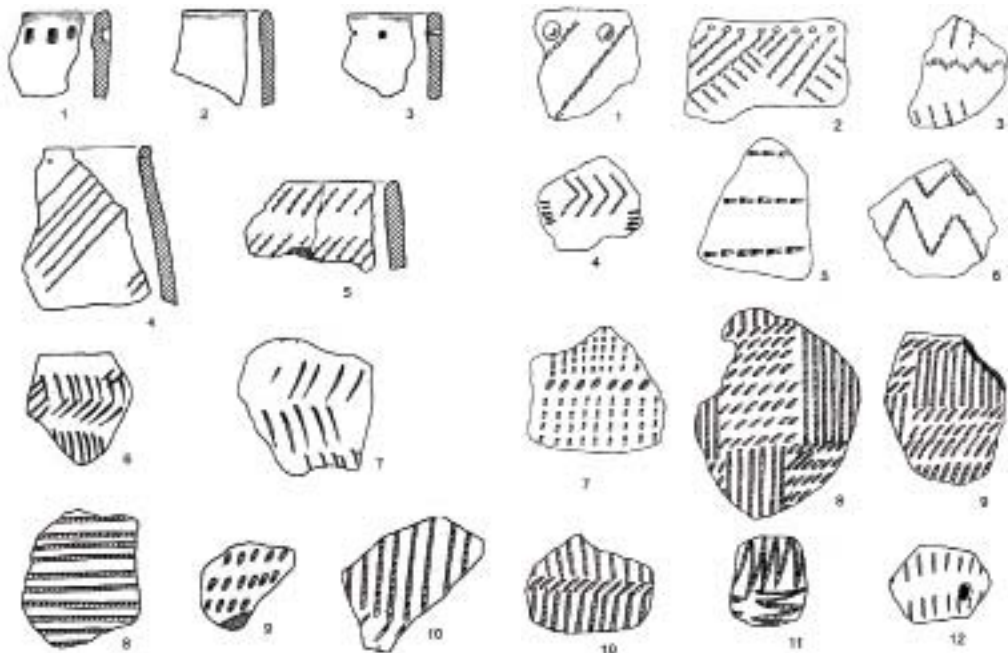

Рис. 1. Керамика
II Щербетской стоянки.
1–3 – неорнаментированная;
4–5 – накольчатая; 6–7 – с насечками;
8–10 – гребенчатая.

Рис. 2. Керамика IV Тетюшской
и II Лебединской стоянок.
1–6 – накольчатая; 7 – гребенчатая;
8–11 – гребенчатая; 12 – с насечками.

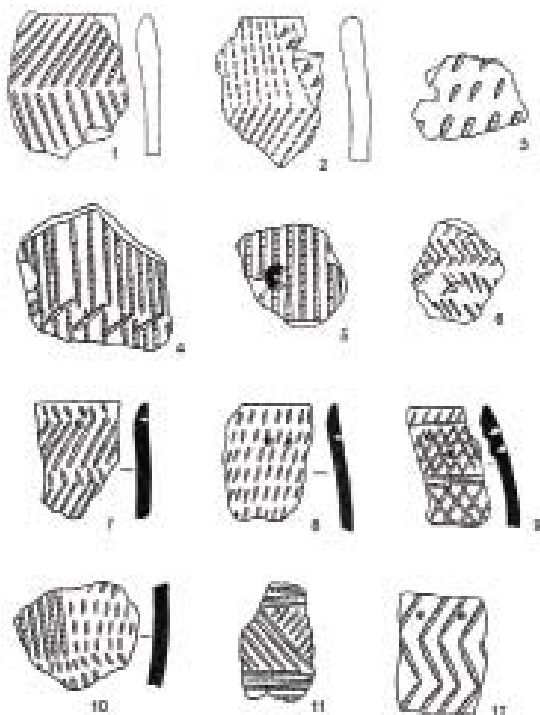

Рис. 3. Керамика стоянки
Зиарат и Va Балахчинской.
1–5 – гребенчатая;
6 – накольчатая;
7–12 – гребенчатая.

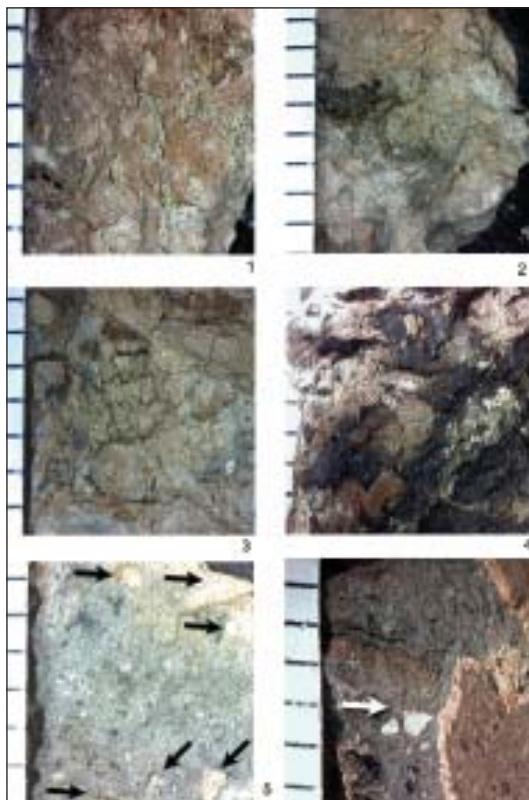
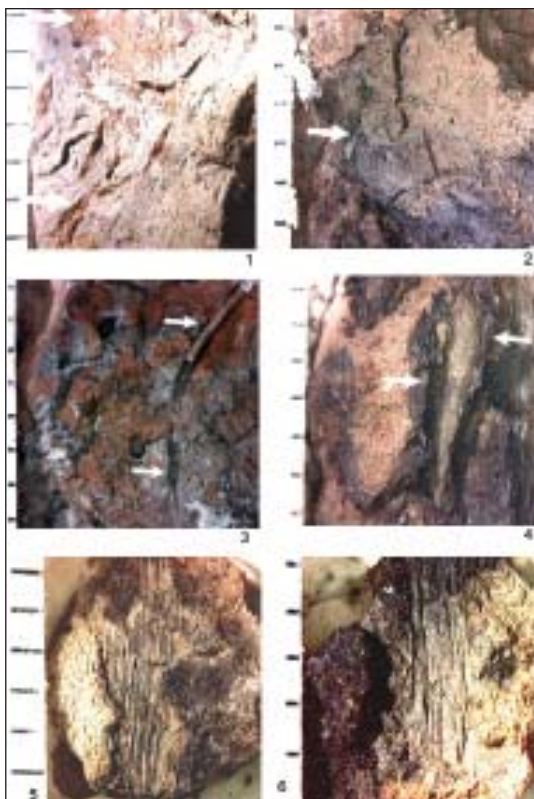

Рис. 4. Микрофотосъемка исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики Нижнего Прикамья.

1–4 – пластичное сырье в дробленном состоянии, формовочные массы с большой концентрацией шамота и органического раствора в керамике с гребенчатым орнаментом (1–2 – Зиарат; 3 – Лебедино I; 4 – Балахчинская стоянка); 5–6 – сырье в естественно увлажненном состоянии, формовочные массы с небольшой концентрацией шамота и органического раствора в керамике с накольчатый орнаментом (II Щербетская стоянка).

Рис. 5. Микрофотосъемка исходного пластичного сырья и формовочных масс керамики Нижнего Прикамья.

1 – органический раствор (Балахчинская стоянка); 2 – отпечаток чешуи рыбы (Лебедино II); 3 – кость рыбы (Лебедино II); 4–6 – отпечатки растительности как естественной примеси илстых глин (4 – Балахчинская стоянка; 5–6 – IV Тетюшская стоянка).

керамики раннего этапа камской культуры из слоя стоянки Зиарат.

В ходе микроскопического изучения выделение информации производилось в рамках этих морфологических групп керамики по стадиям и ступеням структуры гончарной технологии (Бобринский, 1999, с. 9–11). Следует отметить неравномерность полученной информации: наиболее подробные сведения получены о трудовых навыках подготовительной и закрепительной стадий, а данные конструирования сосудов очень неполные и общие. Основной причиной этого являются объективные обстоятельства: практически полное отсутствие развалов сосудов и сильная измельченность керамического материала, предложенного для технико-технологического анализа. Изложение результатов исследования в данной статье построено также в соответствии с естественной структурой гончарных производств.

Стадия I – подготовительная:

ступень 1 – отбор исходного сырья;
ступень 2 – добыча исходного сырья;

ступень 3 – обработка исходного сырья:

ступень 4 – составление формовочной массы.

Стадия II – созидательная:

ступень 5 – конструирование начала сосуда;

ступень 6 – конструирование его полого тела;

ступень 7 – придание сосуду формы;

ступень 8 – механическая обработка поверхностей.

Стадия III – закрепительная:

ступень 9 – придание прочности сосуду;

ступень 10 – устранение влагопроницаемости его стенок.

Необязательные ступени производства:

ступень 11 – конструирование служебных скульптурных частей емкостей (в изучаемом гончарном производстве отсутствовала);

ступень 12 – орнаментация сосудов.

Ниже представлена характеристика навыков труда неолитических гончаров Нижнего Прикамья, которые были реконструированы на основании изучения следов работы с помощью микроскопического исследования и сравнения археологической керамики с эталонными сериями.

I. ГРУППА КЕРАМИКИ С ГРЕБЕНЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ (84 обр.)

1. Подготовительная стадия. Исходным пластичным сырьем (ИПС) называются природные материалы, которые могли применяться в качестве *самостоятельного* пластичного сырья для изготовления посуды (Бобринский, 1999, с. 17). Исследование нео-энеолитической гончарной технологии Поволжья и сопредельных регионов, а также проведение экспериментальных работ позволили выделить 3 вида ИПС, использовавшегося в производстве древнейшей керамики региона: *илы, илестые глины и глины* (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; Васильева, 2006; Васильева, 2011). Микроскопический анализ неолитической керамики Нижнего Прикамья позволил выявить два вида ИПС: *илестые глины и глины*. К *илестым глинам* отнесено сырье, в котором редко, но встречаются мелкие углефицированные обрывки растительных тканей (детрит менее 1 мм), отпечатки нитевидных растений (водо-

рослей), отдельные включения чешуи и костей рыбы. Единично встречены разрушенные обломки раковин пресноводных моллюсков (менее 1 мм). Во втором виде ИПС (глинах) выше обозначенные признаки близости сырья к водоемам полностью отсутствуют.

На уровне подвидов глины и илистые глины разделяются на «тощие» и «жирные». Поскольку эти свойства пластичного сырья оказывают большое влияние на последующие этапы работы гончаров (лепку, сушку сосудов и их обжиг), то каждый подвид сырья требовал выработки особых навыков работы с ним. Очевидно, что отбор того или другого подвида ИПС имел устойчивый характер и был связан с определенными культурными традициями. При изучении прикамской неолитической керамики были выделены два подвида ИПС: «жирные» (незапесоченные и слабозапесоченные) и «тощие» (среднезапесоченные и сильнозапесоченные).

Все глины были ожелезненными.

Среди способов обработки исходного пластичного сырья выявлены два: 1) дробление ИПС в сухом виде (фиксируется по наличию в формовочной массе не растворившихся до конца комочков сухой глины, а также линз и вытянутых слоев чистой глины); 2) использование ИПС в естественно увлажненном состоянии (при отсутствии признаков его дробления).

В целом навыки труда неолитических гончаров на подготовительной стадии фиксируются на следующих уровнях:

1. *Виды ИПС*: ИГ – илистые глины (рис. 5: 4–6) и Г – глины (рис. 4: 1–4). Данный уровень характеризует общие представления групп населения о сырье для изготовления бытовой посуды.

2. Виды ИПС подразделяются на *подвиды*: «жирные» и «тощие», отражающие культурные традиции отбора сырья.

Таблица 1

Результаты изучения исходного пластичного сырья (ИПС) керамики Нижнего Прикамья с гребенчатым орнаментом

Памятники, абсолютные даты (некалиброван.)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
<i>ранний этап</i>									
1. Зиарат 6110±80BP						6			6
<i>хуторской этап</i>									
2. I Лебединская	11	3	1	–	2	2	1		20
3. II Лебединская 5670±100BP	3	1	–	–	–	3	–	–	7
4. IV Тетюшская	1	–	1	–	–	–	–	–	2

5. П Щербет- ская	5	–	–	–	–	5	2	–	12
ВСЕГО:	20	4	2	–	2	10	3	–	41
	26/63%					15/37%			
<i>левшинский этап</i>									
6. VI-а Балах- чинская	9	22	–	–	–	–	–	–	31
7. Черки- Кильдуразы 5660±80BP	4	–	2	–	–	–	–	–	6
ВСЕГО:	13	22	2	–	–	–	–	–	37
	37/100%					–			

Сокращения: увл. – увлажненное состояние ИПС; др.с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Ед. измерения – изученный образец.

3. *Навыки подготовки сырья.* Выделяются два способа: дробление ИПС в сухом состоянии (рис. 4: 1–4) и использование естественно увлажненного сырья (рис. 4: 5–6).

Сравнительный анализ данных о навыках отбора и обработки пластичного сырья гребенчатой керамики Нижнего Прикамья разных хронологических периодов выявил следующие особенности:

Для характеристики самого раннего этапа бытования керамики с гребенчатым орнаментом была использована информация по технологии изготовления керамики стоянки Зиарат, расположенной на пограничной территории. В ходе изучения керамики данной стоянки были выявлены такие устойчивые культурные традиции в производстве ранней гребенчатой керамики Прикамья: 1) массовое распространение взглядов на глину как сырье для производства бытовой посуды; 2) использование только жирных ожелезненных глин; 3) дробление сырья в сухом виде и применение сухих смесей (Васильева, Выборнов, 2012а). Можно констатировать, что именно эти гончарные традиции были

изначально свойственны населению Прикамья, изготавливавшего посуду с гребенчатым орнаментом.

На хуторском этапе в гончарных производствах населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом, наблюдается очевидное преобладание *илистых глин* в общем объеме ИПС (63%). При этом отбирались в основном жирные илистые глины (92%)². Преобладающая часть их использовалась в увлажненном состоянии (77%), но существовали также приемы дробления илистых глин в сухом состоянии (23%). Доля глин в общем объеме ИПС составляла 37%. Из них 80% – жирные, которые в основном дробились в сухом состоянии (83% от общего числа жирных глин). Данные взгляды на пластичное сырье

² Далее в тексте используются результаты подсчета данных в процентах, не указанные в таблицах, т.к. они значительно бы их усложнили. Подсчет процентов производился: в случае определения доли видов ИПС – от общего количества образцов керамики конкретного этапа и комплекса, в случае определения доли жирного и тощего сырья и приемов дробления – от количества изученных сосудов, изготовленных из данного вида ИПС.

и приемы его обработки указывают на преемственность с ранним этапом бытования гребенчатой посуды Прикамья (Зиарат). Основываясь на результатах исследования более ранних южных ареалов неолитического гончарства Поволжья, можно предполагать, что распространение представлений об илестых глинах как сырье для изготовления бытовой посуды, приемов использования сырья в увлажненном состоянии без дробления и его запесоченных подвидов было связано именно с ними (Васильева, 2006). При этом следует отметить, что если для елшанского гончарства был характерен отбор запесоченных илестых глин, то в производстве керамики с накольчатым орнаментом средневожской культуры использовались оба подвида илестых глин: жирные и тощие.

Если перейти от усредненных данных по всем памятникам хуторского этапа Нижнего Прикамья к отдельным стоянкам, то картина становится более разнообразной: из глин изготовлено 43% всех изученных сосудов стоянки II Лебединская и 58% сосудов II Щербетской стоянки, но всего 25% сосудов стоянки I Лебединская. Представляется, что за этими различными количественными данными стоят конкретно-исторические причины: степень интенсивности культурных контактов или хронологическое положение памятников. Учитывая же усредненные данные и сравнивая их с подобными по Среднему и Верхнему Прикамью, где процент использования илестых глин для изготовления керамики хуторского этапа составлял всего 29%, можно сделать вывод о значительно большем распространении южных традиций в неолитическом гончарстве Нижнего Прикамья на

развитом этапе, чем у более северных коллективов (Васильева, Выборнов, 2012а). Это могло быть результатом более тесных и интенсивных контактов нижекамского населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом, с южным средневожским неолитическим населением.

Гончарные традиции неолитического населения Нижнего Прикамья на левшинском этапе были исследованы по материалам двух стоянок: VI-а Балахчинской и Черки-Кильдуразы. Было зафиксировано 100-процентное распространение взглядов на илестые глины как сырье. Для изготовления сосудов VI-а Балахчинской стоянки использовались только жирные (в основном высокопластичные) илестые глины. Большая их часть дробилась в сухом состоянии (71%). Следы дробления проявились в наличии нерастворившихся комочков глины размером до 1 см, а также линз и потеков глинистой массы без песка. Сосуды стоянки Черки-Кильдуразы сделаны из жирных (67%) и тощих (33%) илестых глин, которые использовались в естественно увлажненном состоянии без дробления. Возможно, расширение источниковой базы внесет какие-то изменения в наши представления о гончарстве этого хронологического этапа. Пока на основании полученных данных можно констатировать очевидное смешение гончарных традиций, проявившееся в преобладании отбора илестых глин и вместе с тем нехарактерного для более южного средневожского неолитического гончарства приема их дробления. Обращает на себя внимание отсутствие сосудов, изготовленных в соответствии с ранними культурными традициями (Зиарат), т.е. из дробленых в сухом состоянии

жирных глин. Можно констатировать полную смену представлений населения с гребенчатой посудой о сырье: вместо глин стали использоваться илистые глины, но прием их подготовки путем дробления оставался прежним. Представления о пластичном сырье относятся к субстратным навыкам труда в гончарстве, полное перерождение которых способно было произойти в условиях смешения в течение жизни не менее 5–6 поколений гончаров, причем, если каждое новое поколение вступало в контакт с носителями иных технологических традиций изготовления керамики (Бобринский, 1978, с. 244). Полученные результаты указывают на длительный процесс смешения населения, изготавливавшего гребенчатую прикамскую керамику, с инокультурными коллективами, вероятнее всего, средневожскими неолитическими группами населения.

На ступени подготовки формовочных масс (ФМ) изучаются рецепты ФМ, включавшие ИПС и искусственные добавки: 1) *шамот* (порошкообразная минеральная примесь, полученная в результате дробления старых сосудов); 2) *органические растворы* (различные клеящие природные вещества растительного и животного происхождения) (Бобринский, Васильева, 1998, с. 212; Бобринский, 1999, с. 85).

Проведенное ранее исследование неолитической керамики Верхнего и Среднего Прикамья выявило принципиальное значение информации о приемах составления ФМ на уровне концентрации и размерности шамота. Для ранних традиций изготовления керамики с гребенчатым орнаментом было характерным составлять формовочные массы из сухих порошков: раздробленных в сухом виде глин и

шамота крупного размера (3–5 см) в большой концентрации (1:2; 1:3). Эта смесь пропитывалась значительным количеством органического раствора, в ходе чего производилось своего рода склеивание сухой смеси (рис. 4: 1–4). В таблицу 2 были включены все перечисленные позиции: рецепт, концентрация шамота и размерность этой примеси. Концентрация минеральной примеси подсчитывалась по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1999, с. 38). В таблице 2 приняты следующие обозначения: Ш 1/1-3, что означает шамот в концентрации 1:1–3, т.е. на 1–3 части глины – 1 часть шамота; или Ш 1/4: т.е. на 4 части глины – 1 часть шамота и т.д. В изучаемом гончарстве использовался некалиброванный шамот, поэтому в таблице указаны наиболее крупные размеры зерен шамота, прослеженные в черепке: 2 и 3–5 мм. По существу были зафиксированы две традиции добавки в ФМ: 1) более мелкой фракции шамота, наиболее крупные частицы которого достигали 2 мм (остальные в изучаемом черепке были меньше) (рис. 4: 5–6); 2) более крупной фракции с зёрнами шамота, достигающими 3–5 мм (остальная часть включений шамота в этой фракции также была меньше этих крайних значений). Шамот был представлен разноцветными остроугольными включениями. Следует отметить, что в крупных частицах шамота довольно часто встречались включения же шамота, т.е. старые раздробленные сосуды также были сделаны из масс с шамотом. Эти данные свидетельствуют о большой устойчивости в прикамском гончарстве традиции составления ФМ с шамотом. *Органические растворы* фиксировались по присутствию в черепке керамики плоскостных и аморфных

Таблица 2

Результаты изучения формовочных масс (ФМ)
группы керамики с гребенчатым орнаментом

Памятники Абс. даты (некалибр.)	Формовочные массы с шамотом и органическим раствором							Итого:
	Шамот в концентрации:							
	1:1–3		1:4		1:5		Ед.	
	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	Ш<3– 5 мм	Ш<2 мм	
<i>Ранний этап</i>								
1. Зиарат: 6110±80	2	4						6
<i>Развитый (хуторской) этап</i>								
2. I Лебедин- ская		6	2	6	6			20
3. II Лебедин- ская: 5670±100		4		3				7
4. IV Тетюш- ская				2				2
5. II Щербеть- ская	4	1	1	3	1	2		12
ВСЕГО:	4	11	3	14	7	2		41
	15/36%		17/42%		9/22%			100%
<i>Поздний (левишинский) этап</i>								
6. VI-а Балах- чинская		5	2	10	3	6	5	31
7. Черки- Кильдуразы: 5660±80 ВР		2	2		2			6
ВСЕГО:		7	4	10	5	6	5	37
	7/19%		14/38%		11/30%		5/13%	100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, 1: 3 – концентрация шамота (на 3 доли глины – 1 доля шамота); <3–5 мм: крупность частиц шамота – менее 3–5 мм. Единица измерения – изученный образец керамики. Абс. даты – абсолютные даты по керамике в некалиброванной системе.

пустот размером от 1 мм до 1 см (рис. 5: 1), а также налета и пленок определенной плотности и цвета по стенкам пустот и вокруг включений шамота и сухой глины. Стенки пустот покрыты веществом рыжевато-белого цвета или густым маслянистым, иногда матовым коричневато-черным налетом. Наблю-

дались также следы пропитки этим веществом мелких пор на значительных участках излома черепка. Пустоты-полости были рассредоточены по всей толще черепка и не были связаны с проникновением нагара в поверхностные поры черепка. По мнению А.А. Бобринского, введение органиче-

ских растворов в формовочные массы во время замеса способствовало приданию керамике полезных свойств: вязкости, влагонепроницаемости, прочности (Бобринский, Васильева, 1998, с. 212; Бобринский, 1999, с. 85). Проведенные нами экспериментальные исследования позволяют предполагать использование в замесе формовочных масс вместе с водой рыбьего клея (?) или скорее желе, образовавшегося при варке рыбы.

Таким образом, в неолитическом гончарстве Нижнего Прикамья зафиксирована единственная традиция составления формовочных масс с шамотом и органическим раствором. Различия выявляются только на уровне рецептов ФМ (размерности шамота и его концентрации).

«Шамотная» традиция впервые появилась в раннеолитическом гончарстве Поволжья в рамках елшанской культуры (Васильева, 2011). Керамика елшанского типа с шамотом немногочисленна и встречена на нескольких стоянках, наиболее массово – в материалах Ивановской стоянки (Оренбургская обл.). В изготовлении ранних групп елшанской керамики преобладает рецепт, в котором доля шамота небольшая: 1:5, иногда 1:6 и менее. Шамот не калиброван, хотя его размеры в целом менее 2 мм. Он добавлялся в естественно увлажненное пластичное сырье (илистые глины). Нами было высказано предположение о том, что данная традиция имела скорее ритуальную, а не технологическую нагрузку. В позднелшанском керамическом комплексе процент посуды с шамотом увеличился, и появились рецепты, в которых концентрация шамота составляла 1:4, а его размеры достигали 3 мм, т.е. традиция

добавки в формовочную массу шамота приобрела технологический смысл. В средневожских производствах керамики с накольчатым орнаментом традиция изготовления посуды с шамотом также имела распространение. В ходе исследования была выявлена очевидная тенденция увеличения ее доли в общем объеме рецептов ФМ: с единичных показателей на раннем этапе до 54% в некоторых комплексах позднего этапа (Васильева, Выборнов, 2012, с. 10). Микроскопическое изучение технологии изготовления прикамской керамики с гребенчатым орнаментом выявило «шамотную» традицию, имевшую существенную качественную специфику. Крупный шамот (размером 3–5 мм) смешивался с раздробленной в сухом виде глиной в концентрации не менее 1:3, и эта смесь пропитывалась водой и органическим раствором. На современном этапе исследования пока невозможно выявить «корни» этой традиции, но можно предполагать, что они имели не местный (т.е. не поволжский) характер.

Рассматривая результаты микроскопического изучения рецептов формовочных масс керамики Нижнего Прикамья через призму вышеизложенных данных, можно сделать следующие выводы.

На раннем этапе (стоянка Зиарат) фиксируется 100-процентное распространение составления ФМ из сухих смесей: дробленой глины и шамота в концентрации 1:1, 1:2, 1:3, которые буквально «склеивались» органическим раствором. При этом доля использования крупной фракции шамота (менее 3–5 мм) составляла 70%.

На хуторском этапе доля рецептов ФМ с большой концентрацией шамота

составляла всего 36%. Но существенно увеличилось количество сосудов, изготовленных из масс с концентрацией шамота 1:4 (42%), и среди них преобладали рецепты с крупным шамотом (82% от всех сосудов с концентрацией шамота 1:4). Эти рецепты обнаруживают связь с ранними гончарными традициями. Обращает на себя внимание появление традиции подготовки ФМ с добавкой шамота в концентрации 1:5 (22%), причем с преобладанием использования также более мелкого шамота (78% от всех рецептов с концентрацией шамота 1:5). Вполне вероятно связывать распространение данной традиции с влиянием южных средневожских гончарных традиций.

На левшинском этапе процент рецептов ФМ, в соответствии с которыми шамот вводился в концентрации 1:1–3, сократился до 19%. Рецепты с концентрацией шамота 1:4 также обнаружили тенденцию к уменьшению – 38%. Хотя доля использования крупного шамота в тех и других оставалась также высокой. Значительно повысился процент рецептов с меньшей концентрацией шамота 1:5 (30%) и появились сосуды, изготовленные с символической примесью шамота (13%). Причиной этих изменений в составе традиций изготовления посуды с гребенчатым орнаментом, по нашему мнению, несомненно, являлся процесс интенсивных культурных смещений с южными средневожскими группами населения.

2. *Созидательная стадия.* Как выше уже говорилось, информация о навыках труда на данной стадии крайне неполная. Очевидно, что вся керамика являлась продукцией домашних производств, т.е. она изготавливалась без применения гончарного круга.

Конструирование сосудов с гребенчатым орнаментом производилось лоскутным налепом, вероятнее всего, с помощью форм-моделей. Как показали экспериментальные работы, лепка сосудов из формовочных масс с таким количеством шамота и органического раствора способами скульптурной лепки на плоскости без использования форм-моделей крайне затруднительна. Однако прямых доказательств этого предположения к настоящему времени нет – последующее тщательное заглаживание и уплотнение поверхностей не оставило следов конкретных форм-моделей. О применении лоскутного налепа свидетельствует зафиксированная в ряде случаев многослойность строительных элементов в продольном и поперечном изломах сосудов. В ряде случаев определены размеры лоскутков: 3 x 3 см, 0,8 x 2,5 см. Изучение керамики II Щербетской стоянки выявило использование спиралевидного наращивания лоскутков (1 сосуд) и прием многослойного размазывания порций ФМ (2 сосуда). Среди приемов конструирования керамики левшинского этапа зафиксированы признаки зонального наращивания сосуда в виде пальцевых отпечатков на коротких спаях между зонами. При сохранении лоскутного налепа использовались более крупные строительные элементы длиной более 4 см.

Обработка поверхностей неолитических сосудов Нижнего Прикамья производилась путем простого влажного заглаживания и сплошного уплотнения-лощения. Заглаживание осуществлялось мягкими материалами (кожей?) и твердыми орудиями типа деревянных ножей и галек, сплошное уплотнение и лощение – отполированными гальками или

костью по высушенной, но смоченной перед данной операцией поверхности. Этому способу подвергались, как правило, внешние поверхности верхних частей сосудов. Хотя встречаются сосуды, у которых уплотнению были подвергнуты обе поверхности. Различия между способами обработки поверхностей сосудов хutorского и левшинского этапов не прослежены.

3. *Закрепительная стадия.* Навыки труда на данной стадии изучались по механической прочности и следам изменения первоначальной окраски поверхности и изломов сосудов под действием разных температур. Часть сосудов подвергалась костровому обжигу с низкотемпературным режимом и с кратковременным пребыванием в температурах каления (650–750°). Об этом свидетельствует низкая механическая прочность сосудов и трех-и-двухслойная окраска изломов сосудов, с темно-серой сердцевинной черепка. Менее половины изученных образцов имеют бурый слоистый или полностью светло-коричневый излом. Эти признаки указывают на более длительный временной отрезок пребывания сосудов в температурах каления. Учитывая присутствие в составе формовочных масс изученной керамики органических добавок, можно квалифицировать состояние представлений неолитического населения Нижнего Прикамья о термической обработке как частично сформированное (Бобринский, 1999, с. 102).

Перед тем как перейти к обобщению данных о технологии изготовления керамики с гребенчатой орнаментацией, необходимо остановиться на важном моменте, который, казалось бы, очевиден, но нуждается

в уточнении. Речь пойдет о гончарстве населения, в среде которого были распространены «гребенчатые» орнаментальные традиции, отражавшие культурную самоидентификацию этого населения, т.е. отдельные его группы, оставившие стоянки на разной территории в различные хронологические отрезки. Очевидно, что они осознавали свою культурную, а возможно, и родственную близость. Однако исследование их гончарной технологии выявило определенную неоднородность, вызванную смешением различных в культурном отношении групп неолитического населения.

По итогам изучения можно предполагать существование в Нижнем Прикамье в эпоху неолита двух групп родственного населения, изготавливавшего керамику с гребенчатым орнаментом. Для первой группы были свойственны несмешанные гончарные традиции, по-видимому, изначально присущие населению с «гребенчатой» керамикой, для второй – смешанные, появившиеся в Нижнем Прикамье в результате культурных контактов, следующим образом:

Несмешанные гончарные традиции:

– на подготовительной стадии:
1) взгляды на природные глины как пластичное сырье для производства бытовой посуды; 2) отбор жирного ожелезненного пластичного сырья; 3) дробление ИПС в сухом состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей шамота и органического раствора (причем преобладали рецепты с шамотом и ОР в большой концентрации, использовался некалиброванный шамот, наиболее крупные частицы которого достигали 3–5 мм).

– на созидательной стадии: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам, отражавших частично сформированное состояние взглядов на термическую обработку.

Смешанные гончарные традиции:

– на подготовительной стадии: 1) взгляды на илистые глины как пластичное сырье для производства бытовой посуды; 2) отбор жирного, реже тощего ожелезненного пластичного сырья; 3) дробление ИПС в сухом состоянии и использование в естественно увлажненном состоянии; 4) применение в качестве искусственных примесей шамота и органического раствора. Были распространены рецепты как с крупным шамотом (менее 3–5 мм) и ОР в большой концентрации, так и с более мелким шамотом (менее 2 мм) и ОР в меньшей концентрации.

– на созидательной стадии: 1) распространение приемов лоскутного налепливания и применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на закрепительной стадии: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам, отражавших частично сформированное состояние взглядов на термическую обработку.

На современном исследовательском уровне детализация причин, по которым образовывались те или иные смешанные традиции в неолитиче-

ском гончарстве Нижнего Прикамья, пока невозможна. Довольно четко прослеживается тенденция увеличения доли смешанных гончарных традиций от хуторского к левшинскому этапу, в результате чего к позднему этапу бытования на территории Нижнего Прикамья практически не осталось несмешанных неолитических производств гребенчатой керамики.

II. ГРУППЫ КЕРАМИКИ БЕЗ ОРНАМЕНТА, С НАКОЛЬЧАТЫМ ОРНАМЕНТОМ И ГЛАДКИМ ШТАМПОМ (НАСЕЧКАМИ) (117 обр.)

В разделе рассматриваются данные о технологии изготовления керамического комплекса Нижнего Прикамья с не-гребенчатым орнаментом. К нему отнесены группы керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками.

1. *Подготовительная стадия.* Результаты изучения исходного пластичного сырья, приемов его отбора и подготовки в производствах керамики данных групп отражены в таблице 3.

Группа керамики без орнамента. Была изготовлена преимущественно из *илистых глин*, которые использовались в естественно увлажненном состоянии (90% от общего количества сосудов данной группы). Преобладали навыки отбора жирных илистых глин (80% от общего числа сосудов этой группы, изготовленных из илистых глин), но существовали приемы отбора и тощих илистых глин (20%). В коллекции IV Тетюшской стоянки изучено 4 сосуда (10% от общего количества сосудов данной группы), которые были сделаны из пластичных (жирных) *глин*, но без приема дробления сырья в сухом состоянии. Можно констатировать, что гончарные традиции населения, изготавли-

Таблица 3

Результаты изучения ИПС керамики без орнамента,
с накольчатым орнаментом и насечками Нижнего Прикамья

Памятники, абсолютные даты (некалиброван.)	Исходное пластичное сырье (ИПС)								Итого:
	Илистые глины				Глины				
	жирные		тощие		жирные		тощие		
	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	увл.	др. с/с	
<i>Неорнаментированная керамика</i>									
IV Тетюшская	10	–	–	–	4	–	–	–	14
II Щербетская	17	–	7	–	–	–	–	–	24
ВСЕГО:	27	–	7	–	4	–	–	–	38
	34/90%				4/10%				100%
<i>Накольчатая керамика</i>									
IV Тетюшская 6170±90 BP	4	–	3	–	–	2	–	–	9
II Щербетская 6270±90 BP	23	–	9	–	4	–	–	–	36
ВСЕГО:	27	–	12	–	4	2	–	–	45
	39/87%				6/13%				100%
<i>Керамика с насечками</i>									
IV Тетюшская	2	5	–	–	–	–	–	–	7
II Щербетская	10	–	4	–	3	–	–	–	17
ВСЕГО:	12	5	4	–	3	–	–	–	24
	21/88%				3/12%				100%

Сокращения в таблице: ИПС – исходное пластичное сырье; увл. – увлажненное состояние ИПС; др. с/с – дробление ИПС в сухом состоянии. Единица измерения – изученный образец.

вавшего неорнаментированную керамику Нижнего Прикамья, на уровне субстратных представлений о сырье и приемах подготовки данного сырья близости с вышеописанными традициями изготовления ранней гребенчатой керамики не обнаруживают.

Группа керамики с накольчатой орнаментацией. В гончарном производстве посуды с накольчатым орнаментом прослеживается похожая ситуация: количество сосудов из илистых глин, использованных в естественно увлажненном виде, составляет 87% (рис. 4: 5–6). В составе навыков отбора илистых глин доля

«тощего» сырья слегка повышается до 31%. Приемы дробления *илистых глин* в сухом состоянии в рамках производств керамики с накольчатым орнаментом отсутствовали. Только 13% от общего количества изученных сосудов этой группы из коллекций IV Тетюшской и II Щербетской стоянок изготовлены из природных жирных глин. Однако из них лишь 2 сосуда со следами дробления пластичного сырья.

Здесь необходимо остановиться на следующем вопросе. Представления о природных глинах как сырье для изготовления бытовой посуды и на-

выки отбора жирных подвидов этого сырья были известны в гончарстве неолитического населения, оставившего Варфоломеевскую стоянку и изготавливавшего керамику с накольчатый орнаментом (Васильева, 2009). Однако это сырье использовалось им в естественно увлажненном состоянии без дробления, а искусственной добавкой в рецептах ФМ служила дробленая раковина пресноводных моллюсков. Таким образом, навыки отбора жирных природных глин были известны населению с накольчатой керамикой, поэтому можно говорить о смешанных традициях изготовления только 2 сосудов с накольчатым орнаментом из IV Тетюшской стоянки, изготовленных из жирных глин, дробленых в сухом состоянии.

Группа керамики с насечками. Состав навыков труда подготовительной стадии производства данной керамики очень близок традициям изготовления неорнаментированной керамики, за исключением одного, а именно: присутствия среди них приемов дробления илистых глин. В то же время эти смешанные приемы были выявлены при изучении керамики с гребенчатой орнаментацией. Они были зафиксированы по материалам хуторского этапа, а в левшинский период стали очень распространенными. Как уже выше говорилось, это может свидетельствовать о смене представлений населения с гребенчатой посудой о сырье и значительной их смешанности. Наличие таких взглядов среди населения, изготавливавшего керамику с насечками, указывает на его культурную или хронологическую близость с левшинскими группами населения с гребенчатой посудой (типа VI Балахчинская).

Результаты исследования формовочных масс керамики вышеописанных групп подведены в таблице 4.

Микроскопическое изучение формовочных масс керамики данных групп выявило новый вид минеральных добавок, не встреченный в материалах гребенчатого комплекса. Глинистые твердые комочки серого, красного или смешанного цвета размером менее 2–3 мм имели округлую и овальную форму, иногда их очертания были остроугольными. Часть их содержала песок, но в основном это были включения жирной глины без каких-либо примесей. После проведения экспериментальных работ данная примесь была охарактеризована нами как шамот-обожженная глина. Данная добавка могла быть получена в результате дробления неровно обожженных комков природной ожелезненной глины в костре. Подобная примесь известна в неолитической керамике Сурско-Мокшанского междуречья, в частности, в слабо орнаментированном (елшанского типа) сосуде из стоянки Имерка VII (Васильева, 2010, с. 113).

В целом, по результатам изучения ФМ керамики данных групп можно подвести следующие итоги:

Группа керамики без орнамента. Состав традиций составления формовочных масс в среде производителей данной керамики, как видно из таблицы 4, имел существенные отличия от гребенчатого комплекса: доля рецептов с большой концентрацией шамота и ОР составляла всего 3% (ср.: Зиарат – 100%; на хуторском этапе – 36%, на левшинском – 19%). Распространенность рецептов с шамотом в концентрации 1:4 и 1:5 была высокой – 13% и 18%, в целом 31%. Керамика

Таблица 4

Результаты изучения формовочных масс группы керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками Нижнего Прикамья

Памятники, абс. даты (некалибр.)	Формовочные массы												В С Е Г О
	Ш+ОР						Шо/г+ОР				ОР		
	Концентрация шамота:												
	1:3		1:4		1:5		Ед.	1:4		1:5			
<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<2 мм	<3- 5 мм	<2 мм	<3- 5 мм			
<i>Неорнаментированная керамика:</i>													
IV Тетюш- ская		1		3		3	1			1	4	1	14
II Щербеть- ская				2	4			8	1			9	24
Итого:		1		5	4	3	1	8	1	1	4	10	38
		1/3%		5/13%		7/18%	1/3%		9/23%		5/13%	10/ 27%	100%
<i>Накольчатая керамика:</i>													
IV Тетюш- ская: 6170±90		1			1	1	3					3	9
II Щербеть- ская 6270±90			3	3	13					5	11	1	36
II Лебедин- ская							1						1
Итого:		1	3	3	14	1	4			5	11	4	46
		1/2%		6/13%		15/33%	4/9%			16/34%		4/9%	100%
<i>Керамика с насечками</i>													
IV Тетюш- ская:	3					4							7
II Щербеть- ская				2	8		3			4			17
Итого:	3			2	8	4	3			4			24
	3/12%			2/8%		12/50%	3/12%			4/18%			100%

Сокращения: Ш – шамот, ОР – органический раствор, Шо/г – шамот-обожженная глина. 1: 3 – концентрация шамота (на 3 доли глины – 1 доля шамота); <3–5 мм: крупность частиц шамота – менее 3–5 мм. Абс. даты – абсолютные даты по керамике в некалиброванной системе. Единица измерения – изученный образец керамики.

с единичными включениями шамота составляла 3%. Значительную представленность в составе рецептов неорнаментированной керамики имели рецепты с шамотом из обожженной глины (46%), в которых концентрация минеральной примеси составляла 1:4 (23%) и 1:5 (13%). Почти треть сосудов данной группы (27%) изготовлена вообще без шамота, с одним органическим раствором.

Группа керамики с накольчатым орнаментом. Состав традиций подготовки ФМ керамики с накольчатой орнаментацией почти аналогичен вышеописанному. Хотя есть некоторые различия в процентном соотношении: существенно выше доля рецептов с шамотом в концентрации 1:5 (33%) и с единичным присутствием шамота в черепке (9%). Также имели место рецепты составления ФМ без шамота,

только с органическим раствором – 9%.

Группа керамики с насечками. Отличительной особенностью состава традиций составления ФМ этой керамики является отсутствие рецептов ФМ, не содержащих шамот. Количественная представленность рецептов с шамотом также несколько отличается от двух вышеописанных: рецепты с большой концентрацией больше – 12% (но крупность шамота менее 2 мм); наиболее массовым был рецепт с шамотом в концентрации 1:5 (50%), а также чаще встречались сосуды с единичной концентрацией шамота (12%). Были зафиксированы и рецепты с шамотом из обожженной глины (18%).

Обобщая результаты изучения традиций составления ФМ керамики без орнамента, с накольчатым орнаментом и насечками, следует отметить, что они обнаруживают определенную близость между собой, а также с традициями населения средневожской неолитической культуры. Данная культура была оставлена смешанным населением, включавшим постелшанские группы, коллективы с традицией изготовления накольчатой посуды и, по-видимому, гребенчатой керамики. Сходство прослеживается, во-первых, в наличии традиции составления ФМ только с органическим раствором (причем в значительно меньшей концентрации, чем в посуде с гребенчатой орнаментацией) без добавки шамота; во-вторых, в навыках подготовки ФМ с более мелким шамотом в небольшой концентрации. Вместе с тем наблюдаются и отличия, прежде всего – массовое распространение «шамотной» традиции, что отсутствует в материалах южного Средневожья, а также, хоть и единичное, при-

менение рецептов, свойственных для производств гребенчатой керамики. Эти признаки как будто указывают на процессы смешения между этими двумя группами неолитического населения Нижнего Прикамья.

Созидательная стадия. Фрагментарный характер изученных образцов данных групп керамики аналогичен группе гребенчатой керамики, поэтому информация о способах конструирования и обработки поверхностей сосудов очень ограничена. Микроскопическое изучение керамики без орнамента выявило использование приемов лоскутного налепа. Для одного сосуда из II Щербетской стоянки удалось конкретизировать способ налепа – спиралевидный лоскутный. Достоверных данных об использовании форм-моделей в процессе формообразования не получено. Хотя у небольшой части сосудов были зафиксированы небольшие незаглаженные участки на внешней и внутренней поверхностях со статическими отпечатками волос, свидетельствовавшие о возможности использования прокладок из плохо очищенной кожи или шкуры животных. Основная часть изученных сосудов была подвергнута тщательному сплошному уплотнению поверхностей (внутренних и внешних), иногда – лощению по сухой, но слегка смоченной перед данной операцией, поверхности. В конструировании керамики с накольчатым орнаментом также можно предполагать использование лоскутного налепа. У пяти сосудов удалось определить признаки применения спиралевидного лоскутного налепа. Строительными элементами служили мелкие лоскутки размером не более 2х2 см. Среди приемов обработки поверхностей преоб-

ладали способы уплотнения-лощения внешней поверхности и заглаживания мягкими материалами внутренней поверхности сосудов.

Способы конструирования керамики с насечками, по-видимому, были аналогичны вышеописанным. Чаще внешняя поверхность сосудов с насечками подвергалась уплотнению, а внутренняя заглаживалась мягким материалом, реже твердыми предметами.

3. *Закрепительная стадия.* Придание сосудам прочности и устранение влагопроницаемости достигались с помощью термической обработки. Поверхность большинства сосудов пятнистая – серо-коричневая. Цветовой спектр изломов представлен 3 видами: 1) с темно-серыми прослоями или сердцевиной; 2) бурые пятнистые; 3) насквозь прокаленные, коричневые. Наиболее многочисленны первые, насквозь прокаленные черепки единичны. Полученные данные позволяют предполагать костровой обжиг с недостаточно продолжительной выдержкой при температурах каления (650–750°).

В целом гончарная технология неолитического населения Нижнего Прикамья, оставившего керамику без орнамента, с накольчатой орнаментацией и с насечками, характеризуется общими *массовыми* навыками труда:

– на *подготовительной стадии*: 1) использование илистых глин в качестве ИПС для производства посуды; 2) отбор «жирного», реже «тощего» ожелезненного пластичного сырья; 3) использование естественно увлажненного сырья; 4) распространение массовых рецептов ФМ: ИПС+Ш+ОР, в которых преобладает шамот (менее 2 мм) в концентрации 1:4 и 1:5; 5) появление специфической минеральной

добавки – шамота из обожженной глины; 6) для групп керамики без орнамента и с наколами – наличие архаического рецепта с ОР без шамота.

– на *созидательной стадии*: 1) расширение приемов лоскутного налепливания и вероятное применение форм-моделей; 2) простое заглаживание и сплошное уплотнение-лощение поверхностей сосудов;

– на *закрепительной стадии*: использование термических приемов придания прочности и влагонепроницаемости сосудам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В результате комплексного исследования неолитического керамического комплекса Нижнего Прикамья можно констатировать различия между керамикой с гребенчатой орнаментацией с одной стороны, и керамикой без орнамента, с наколами и насечками с другой стороны – не только по морфологическим признакам, но и по технологии их изготовления. Чтобы понять и интерпретировать эти различия, необходимо коснуться двух моментов. Во-первых, любая интерпретация полученных результатов исследования должна опираться на определенную систему теоретических представлений об объекте исследования. Наша работа проводилась в рамках историко-культурного направления в изучении древней керамики (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012). С ним связана методика, терминология, а главное, исходной точкой исследования раннего неолитического гончарства Поволжья и Прикамья послужила гипотеза А.А. Бобринского о зарождении древнего гончарства на базе опыта использования в догончарном периоде органических и других глиноподобных материалов и связи

между сформированными в догончарных производствах представлениями об определенном виде пластических материалов и раннеолитическими (протогончарными) производствами, в рамках которых изделия из пластических материалов уже подвергались обжигу и таким образом могли сохраниться в культурных слоях неолитических стоянок. Взгляды на пластическое сырье, по мнению А.А. Бобринского, относятся к наиболее устойчивым элементам гончарной технологии, к группе субстратных навыков, которые способны сохраняться без видимых изменений даже в условиях смешения культурных традиций разных групп населения очень длительное время (Бобринский, 1978, с. 73). Таким образом, проблема зарождения гончарства может решаться с новых позиций, а именно с рассмотрения особенностей возникновения взглядов древнего населения на конкретные природные пластические материалы как сырье для изготовления емкостей, и, главное, с учетом конкретных археологических источников – раннеолитической керамики. Различия природных пластических материалов могут свидетельствовать о принадлежности древних гончарств, выявленных по археологическим материалам, к разным центрам или очагам происхождения гончарства.

Во-вторых, информация, полученная в результате проведенного исследования неолитической керамики Нижнего Прикамья, может быть осмыслена и понята благодаря сравнению с уже имеющимися данными по неолитической гончарной технологии более южных регионов Поволжья. К настоящему времени известно два ареала раннеолитических гончар-

ных традиций Поволжья: 1) ареал древнейшего гончарства, основанного на илах (нижневолжская культура Нижнего Поволжья: наиболее ранняя керамика стоянки Каир-Шак III относится к первой половине VI тыс. до н.э.) и 2) ареал елшанских гончарных традиций, связанный с использованием илистых глин и «шамотной» традицией составления формовочных масс (Волго-Уралье: наиболее ранняя керамика Ивановской стоянки относится к первой половине VI тыс. до н.э.) (Бобринский, Васильева, 1998; Васильева, 1999; 2011; Выборнов, 2008). Комплекс радиоуглеродных дат указывает на одновременность появления этих двух ареалов, как минимум, во второй четверти VI тыс. до н.э. (Выборнов, 2008).

Для первого ареала было характерно использование илов, насыщенных остатками сгнившей растительности и обломками раковины пресноводных моллюсков, с песком и чаще без песка. Позднее в этом ареале был зафиксирован переход к новым видам пластического сырья – илистым глинам и глинам (Варфоломеевка). Неолитическое население этого региона использовало в основном «жирные» виды сырья (Васильева, 2009), но совершенно не было знакомо с приемами составления формовочных масс с шамотом. Параллельно с переходом к илистым глинам и глинам формировалась одна культурная традиция – составление формовочных масс с искусственной примесью дробленой раковины. Во втором «елшанском» ареале древнейшего гончарства Поволжья были распространены взгляды на илистые глины как сырье для производства посуды; преобладали приемы отбора в основном запесоченного ожелезнен-

ного сырья без раковины; впервые появилась традиция добавления в ФМ шамота, имевшая скорее символический или ритуальный характер.

Ко второй четверти V тыс. до н.э. относится формирование на юге Средневожья средневожжской неолитической культуры, гончарные производства которой характеризуются смешением традиций двух вышеописанных ареалов раннеолитического гончарства и их развитием (Васильева, Выборнов, 2012). Именно с ними обнаруживают близость материалы Нижнего Прикамья, а именно, керамические комплексы без орнамента, с наколами и насечками. Сходство прослеживается, прежде всего, в архаичных субстратных представлениях об илестых глинах как сырье для изготовления посуды, а также в ряде рецептов формовочных масс и приемов конструирования посуды. Вместе с тем имеется и существенное отличие, а именно, массовое распространение традиции практически обязательного введения в формовочные массы шамота в среде нижекамских производителей такой посуды. Можно было бы предположить, что это явилось результатом эволюционного развития елшанских гончарных традиций, однако, в «очаге» елшанской культуры, Волго-Уралье данный процесс не имел места. В материалах большинства стоянок средневожжской культуры этого региона постелшанская плоскодонная керамика с ямочно-жемчужным орнаментом и посуда с накольчатый орнаментом, в основном, сделаны без примеси шамота. На разных памятниках процент керамики позднего елшанского типа с шамотом составляет 4–10%, а поздней накольчатой посуды с шамотом: 4–12%. Только в керамическом

комплексе одной стоянки Лебяжинка IV эти показатели выше (22% и 54%) (Васильева, Выборнов, 2012, с. 63–64). Поэтому мы видим причину своеобразия гончарных традиций данных групп нижекамского неолитического населения в процессах сосуществования, влияния и смешения с соседними коллективами, изготавливавшими керамику с гребенчатым орнаментом.

Благодаря изучению неолитической керамики Среднего и Верхнего Прикамья был выявлен новый ареал неолитических гончарных традиций в поволжском регионе (в широком смысле этого понятия), связанный с населением камской культуры. Особенность гончарных традиций данного ареала заключалась в распространении специфичных представлений об исходном пластичном сырье для изготовления бытовой посуды, а именно в использовании сухих смесей: «жирных» глин, дробившихся в сухом состоянии и смешивающихся с шамотом почти в равных долях, которые затем буквально «склеивались» органическим раствором (желе рыбного бульона?). Вполне вероятно изначальная связь этих технологических традиций с орнаментальными традициями нанесения орнамента штампованием (гребенчатым или зубчатым штампами). Хронология камской культуры опирается на радиоуглеродные даты, полученные по органике в керамике (Выборнов и др., 2008). На современном уровне радиоуглеродного датирования наиболее ранняя керамика этой культуры в данном регионе датируется последней третью V тыс. до н.э. Это подтверждается и датами по нагару, полученными на АМС. Истоки данной керамической традиции пока не ясны, но связывать ее происхождение

со средневожской культурой нет оснований.

Базируясь на результатах изучения керамического материала можно предполагать, что Прикамье стало зоной взаимодействия и смешения двух различных в культурном отношении групп неолитического населения: средневожских, пришедших с юга, и условно камских, которые, по-видимому, также являлись в данном регионе мигрантами. Некоторые новые радиоуглеродные даты, сделанные как по органике в керамике, так и по нагару, указывают на вероятность более раннего проникновения в Прикамье немногочисленных средневожских коллективов. Однако данный вопрос нуждается в дальнейшей, более детальной разработке.

Процессы смешения между этими группами неолитического населения имели разную направленность в Нижнем Прикамье, с одной стороны, и в Среднем и Верхнем Прикамье – с другой стороны.

В Среднем и Верхнем Прикамье признаки смешения южных средневожских гончарных традиций с камскими в производствах гребенчатой керамики незначительны, хотя и фиксируются. Гончарная технология населения, изготавливавшего керамику без орнамента и с накольчатым орнаментом, очень неоднородна, что может объясняться существенной смешанностью этого населения. При этом значительная часть такой посуды изготовлена в соответствии с камскими традициями, характерными для производства гребенчатой керамики,

вследствие чего можно предполагать почти полную ассимиляцию данной группы населения «местным» населением, изготавливавшим гребенчатую керамику.

В Нижнем Прикамье прослеживается иная, можно сказать, противоположная ситуация. В производстве гребенчатой керамики уже на хуторском этапе преобладают смешанные навыки труда, а на левшинском этапе происходит практически полное пере рождение субстратных представлений о сырье: распространяются приемы отбора илистых глин. Это может свидетельствовать об определенной степени ассимиляции носителей традиций изготовления гребенчатой посуды южными группами населения. Традиции же изготовления керамики без орнамента и с наколами, близкие средневожским, очень устойчивы. Лишь единичные сосуды данных морфологических групп изготовлены посредством характерных камских приемов. В то же время, в среде этого населения получил массовое распространение прием введения шамота в формовочные массы, что было в целом не свойственно средневожским гончарам. Представляется, что это произошло под влиянием камского гончарства, и зона данной смешанной культурной традиции была в неолите Поволжья значительно обширнее, чем околонулена в настоящее время. Возможно, дальнейшее расширение географических рамок нашего исследования в западном направлении позволит уточнить и расширить ее границы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С. 157–171.

2. Бадер О.Н. Волго-камская этнокультурная область эпохи неолита // МИА. – 1973. – № 172. – С. 99–106.
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М., 1978. – 272 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. – Самара, 1999. – С. 5–109.
5. Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: СамГПУ, 1998. – С. 193–214.
6. Васильев И.Б., Выборнов А.А. Некоторые итоги изучения неолита Волго-Камья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 20–21.
7. Васильева И.Н. Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 72–96.
8. Васильева И.Н. К вопросу о зарождении гончарства в Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. – Самара, 2006. – С. 426–439.
9. Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VIII. – Оренбург: ОГПУ, 2007. – С. 23–38.
10. Васильева И.Н. Об эволюции представлений о пластическом сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. – Оренбург, 2009. – С. 65–77.
11. Васильева И.Н. К вопросу о развитии гончарных традиций в Поволжье в эпоху неолита // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности. – Чебоксары, 2010.
12. Васильева И.Н. Ранненеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2011. – № 2 (48). – С. 70–81.
13. Васильева И.Н., Выборнов А.А. Новые подходы к изучению неолитизации в Поволжье // Самарский край в истории России. – Самара, 2012. – С. 61–68.
14. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // ТКАЭЭ. Вып. VIII. – Пермь, 2012а. – С. 33–50.
15. Васильева И.Н., Салугина Н.П. Экспериментальный метод в изучении древнего гончарства (к проблеме разработки структуры научного исследования с использованием физического моделирования) // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара, 1999.
16. Выборнов А.А. К вопросу о хронологическом соотношении гребенчато-накольчатых и гребенчатых комплексов в неолите Волго-Камья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1976. – С. 9–10.
17. Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 16 с.
18. Выборнов А.А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев, 1988. – С. 62–77.
19. Выборнов А.А. Неолит Прикамья. – Самара, 1992. – 148 с.

20. *Выборнов А.А.* Проблемы периодизации неолита Прикамья // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. – Екатеринбург, 1993. – С. 32–33.
21. *Выборнов А.А.* Неолит Волго-Камья. – Самара, 2008. – 490 с.
22. *Выборнов А.А., Крижевская Л.Я.* Ранненеолитическая стоянка Зиарат в низовьях р. Белая // КСИА. – 1988. – Вып. 193. – С. 71–75.
23. *Выборнов А.А., Мамонов А.Е.* Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб, 2007. – С. 188–198.
24. *Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Галимова М.Ш., Денисов В.П., Ковалюх Н.Н., Лычагина Е.Л., Мельничук А.Ф., Скрипкин В.В.* Новые данные по абсолютной хронологии неолита Прикамья // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 2. – Пермь, 2008. – С. 36–45.
25. *Выборнов А.А., Гусенцова Т.М., Ковалюх Н.Н., Николаев В.В., Скрипкин В.В.* К вопросу об абсолютной хронологии неолита Камско-Вятского междуречья // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. – Ижевск, 2008. – С. 88–94.
26. *Габяшев Р.С.* Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы // Из археологии Волго-Камья. КФАН СССР. – Казань, 1976.
27. *Габяшев Р.С.* Неолит Нижнего Прикамья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – С. 1–19 с.
28. *Габяшев Р.С.* Население Нижнего Прикамья в V–III тысячелетиях до нашей эры. – Казань, 2003. – 224 с.
29. *Калинина И.В.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // Археологический сборник. – Вып. 20. – Л., 1979. – № 20. – С. 5–27.
30. *Калинина И.В.* О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур // Сообщения Гос. Эрмитажа. – Вып. XLIX. – Л., 1984. – С. 33–35.
31. *Калинина И.В.* Неолитическая керамика лесной зоны Уральского региона // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1993. – 21 с.
32. *Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.* Радиоуглеродное датирование археологической керамики жидкостным сцинтилляционным методом // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб., 2007. – С. 120–126.
33. *Третьяков В.П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья // КСИА. – 1972. – Вып. 131. – С. 46–52.
34. *Третьяков В.П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. – Л.: Наука, 1990. – 189 с.
35. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 390 с.
36. *Халиков А.Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. – 1973. – № 172. – С. 107–121.
37. *Цетлин Ю.Б.* Древняя керамика: теория и методы историко-культурного подхода. – М., 2012. – 380 с.

Информация об авторах:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара, Россия); vibornov_kin@mail.ru

ABOUT NEOLITHIC POTTERY TECHNOLOGY IN THE LOWER KAMA REGION AND THE TIME OF ANCIENT CERAMIC TRADITIONS EXPANSION

I.N. Vasilyeva, A.A. Vybornov

The results of typological and technological analysis and radiocarbon dating of the Neolithic ceramics in the Lower Kama region are presented in the article. The study was aimed at clarifying a number of issues related to the relationship and interaction character between bearers of different cultural traditions. The characteristic distinctive features of the Kama and Volga-Kama cultures ware have been defined, the specificity of these cultures at different stages of development has been traced. The absolute dating of all periods of each culture has been checked, their synchrony at certain stages being proved. Reliable data on interactions between the bearers of the Kama and the Volga-Kama cultures in the Kama river region have been accumulated.

Keywords: archaeology, the Lower Kama river region, the Neolithic, ceramics, radiocarbon dating, technological analysis, the Kama culture, the Volga-Kama culture, cultural tradition, chronology.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1970. In Formozov, A. A. (ed.). *Kamennyi vek na territorii SSSR (Stone Age on the Territory of the USSR)*. Moscow: "Nauka" Publ., 157–171 (in Russian).
2. Bader, O. N. 1973. In Gurina, N. N. (ed.). *Etnokul'turnye obshchnosti lesnoi i lesostepnoi zony Evropeiskoi chasti SSSR v epokhu neolita (Ethnic-Cultural Communities in the Forest and Forest-Steppe Belt of the European Part of the USSR in the Neolithic Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 172. Leningrad: "Nauka" Publ., 99–106 (in Russian).
3. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–109 (in Russian).
5. Bobrinsky, A. A., Vasil'eva, I. N. 1998. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prikaspiia (Issues of Ancient History of the Northern Caspian Sea Area)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 193–214 (in Russian).
6. Vasil'ev, I. B., Vybornov, A. A. 1993. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala (Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Big Ural)*. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 20–21 (in Russian).
7. Vasil'eva, I. N. 1999. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 72–96 (in Russian).
8. Vasil'eva, I. N. 2006. In *Voprosy arkheologii Povolzh'ia (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 4. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 426–439 (in Russian).
9. Vasil'eva, I. N. 2007. In *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* VIII. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 23–38 (in Russian).

Supported by the Russian Foundation for the Humanities: Project No. 10-01-00393a; Project No. 13-11-63005 /a on "The Volga lands in the history and culture of Russia".

10. Vasil'eva, I. N. 2009. In Morgunova, N. L. (ed.). *Problemy izucheniia kul'tur rannego bronzovogo veka stepnoi zony Vostochnoi Evropy (Studies of the Early Bronze Cultures in the Steppe Zone of Eastern Europe)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 65–77 (in Russian).
11. Vasil'eva, I. N. 2010. In Berezina, N. S., Mikhailov, E. P. (eds.). *Kul'turnaia spetsifika Volgo-Surskogo regiona v epokhu pervobytnosti (Cultural Specific of the Volga and Sura Rivers Area in Pre-historic Age)*. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities (in Russian).
12. Vasil'eva, I. N. 2011. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (2). Novosibirsk, 70–81 (in Russian).
13. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In *Samarskii kraj v istorii Rossii (Samara region in History of Russia)* 4. Samara, 61–68 (in Russian).
14. Vasil'eva, I. N., Vybornov, A. A. 2012. In *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Pedagogical University)* VIII. Perm, 33–50 (in Russian).
15. Vasil'eva, I. N., Salugina, N. P. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Studies of Ancient Pottery: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 181–198 (in Russian).
16. Vybornov, A. A. 1976. In *Problemy arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (neolit i bronzovyi vek) (Issues of Archaeology of the Volga Region and Cis-Urals: Neolithic and Bronze Age)*. Kuybyshev, 9–10 (in Russian).
17. Vybornov, A. A. 1984. *Neolit i epokha rannego metalla pravoberezh'ia Nizhnei Beloi (Neolithic and Early Metal Age of the Lower Belaya River Right Shore)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).
18. Vybornov, A. A. 1988. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Problemy izucheniia arkheologicheskoi keramiki (Issues of Studying of Archaeological Ceramics)*. Kuybyshev: Kuybyshev State University, 62–77 (in Russian).
19. Vybornov, A. A. 1992. *Neolit Prikam'ia (Neolithic of the Kama Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University.
20. Vybornov, A. A. 1993. In *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turno-istoricheskie obshchnosti Bol'shogo Urala (Archaeological Cultures and Cultural-Historical Communities of the Big Ural)*. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, 32–33 (in Russian).
21. Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University.
22. Vybornov, A. A., Krizhevskaiia, L. Ya. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 193, 71–75 (in Russian).
23. Vybornov, A. A., Mamonov, A. E. 2007. In Zaitseva, G. I., Kulkova, M. I. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniiax: Materialy konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 aprelia 2007 g. Sankt-Peterburg (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies: Materials of the Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Radiocarbon Laboratory of IHMC RAS. 9–12 April, 2007)*. Saint Petersburg: “Teza” Publ., 188–198 (in Russian).
24. Vybornov, A. A., Gabiashev, R. S., Galimova, M. Sh., Denisov, V. P., Kovaliukh, N. N., Lychagina, E. L., Mel'nichuk, A. F., Skripkin, V. V. 2008. In *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia (Bulletin of the Museum for Archaeology and Ethnography of the Perm Cis-Urals Region)* 2. Perm, 36–45 (in Russian).
25. Vybornov, A. A., Gusentsova, T. M., Kovaliukh, N. N., Nikolaev, V. V., Skripkin, V. V. 2008. In *Arkheologicheskaia ekspeditsiia: noveishie dostizheniia v izuchenii istoriko-kul'turnogo naslediiia*

Evrarii (Archaeological Expedition: the Latest Achievements in the Study of Historical and Cultural Heritage in Eurasia). Izhevsk: "Izhevskaiia respublikanskaia tipografiia" Publ., 88–94 (in Russian).

26. Gabiashev, R. S. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–47 (in Russian).

27. Gabiashev, R. S. 1978. *Neolit Nizhnego Prikam'ia (The Neolithic Age in the Lower Kama Region)*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

28. Gabiashev, R. S. 2003. *Naselenie Nizhnego Prikam'ia v V–III tysiacheletiiakh do n.e. (Population of the Lower Kama during the V–III Millennia BC)*. Kazan: "Fän" Publ. (in Russian).

29. Kalinina, I. V. 1979. In *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collected Papers)* 20. Leningrad, 5–27 (in Russian).

30. Kalinina, I. V. 1984. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* XLIX. Leningrad, 33–35 (in Russian).

31. Kalinina, I. V. 1993. *Neoliticheskaia keramika lesnoi zony Ural'skogo regiona (Neolithic Ceramics of the Forest Zone of the Ural Region)*. PhD Thesis. Saint Petersburg (in Russian).

32. Kovaliukh, N. N., Skripkin, V. V. 2007. In Zaitseva, G. I., Kulkova, M. I. (eds.). *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleontologicheskikh issledovaniiax: Materialy konf., posviashch. 50-letiiu radiouglerodnoi laboratorii IIMK RAN. 9–12 apreliia 2007 g. Sankt-Peterburg (Radiocarbon in Archaeological and Paleontological Studies: Materials of the Conference Dedicated to the 50th Anniversary of the Radiocarbon Laboratory of IHMC RAS. 9–12 April, 2007)*. Saint Petersburg: "Teza" Publ., 120–126 (in Russian).

33. Tret'iakov, V. P. 1972. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 131, 46–52 (in Russian).

34. Tret'iakov, V. P. 1990. *Neoliticheskie plemena lesnoi zony Vostochnoi Evropy (Neolithic Tribes in the East European Forest Belt)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

35. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Khalikov, A. Kh. 1973. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 172, 107–121 (in Russian).

37. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

About the Authors:

Vasilyeva Irina N. Candidate of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru

Vybornov Aleksandr A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samara State University of Social Sciences and Education. M. Gorkogo St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; vybornov_kin@mail.ru